

Чернышев А.А.

Арестовали меня 2 февраля 1982 года. Вело следствие КГБ, тогда представителем управления был Иванов, председателем обкома Лигачёв. Это был 1982 год – расцвет махрово–застойного правления брежневщины. Я работал тогда в органах юстиции, судебным экспертом, в научно–исследовательской лаборатории судебной экспертизы. Знаком я в частности с Александром Францевичем Ковалевским. Ко мне поступала правозащитная литература, которая издавалась в то время, в частности «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, т.е. практически вся литература, которая за рубежом издавалась, просачивалась сюда. Моя задача была просматривать, копировать, распечатывать и издавать. Мне большую часть литературы поставлял А.Ф.Ковалевский, а он, оказывается, был связан с Фастом Вильгельмом Генриховичем, а тот привозил из Москвы. Процесс 1980 года поспособствовал тому, что вышли на меня. Я то в принципе не был участником диссидентского движения, не переписывал и не распространял. Я был вне подозрения – на меня бы и не вышли. Роковую роль сыграл Кендель, он был аспирантом, имел доступ к редким изданиям томской библиотеки, имел право выносить книги. Я с ним контакт поддерживал. А в то время проходило «тепличное дело». На территории университета была теплица и там собиралась молодёжь, из Новосибирска привозили книги и там читали. Так вот впервые КГБ вышло на эту группу в 80–м году и Кенделя зацепили, а через Кенделя вышли на меня. Я с женой Кенделя был знаком, она приходила на консультации. Она решила развестись с Кенделем, вызвала представителя КГБ и нажала на него. Ещё сказала, что Кендель знает меня и бывает у меня в лаборатории. В 80–м году они вышли на меня, вызвали меня, спрашивали, мог ли он печатать что–либо антисоветское. Короче, они сели мне на хвост. Из томских студентов – тепличников никого не посадили. Но по Томску ходили листовки, печатные работы и они искали инициаторов этой группы. Я так думаю, что они свою версию разрабатывали два года, считали что я подпольный руководитель. КГБ разрабатывало эту версию узковедомственно и с прокуратурой не поддерживало никаких контактов, так как работники прокуратуры были мои приятели, ведь я с ними работал. У меня был очень хороший знакомый зам. прокурора – Логинов. Он курировал КГБ. И когда в области вскрыли группу Кенделя и тепличников, я ему говорю: «Слушай, придёт ведь и моё время». На что он мне ответил, что этого не произойдёт, так как это он даёт санкции на арест и прочее. Но 2 февраля, когда я собрался на совещание в Новосибирск, ко мне в 6 часов утра постучали. Стоит следователь, новый, я его не знал. И говорит мне: «Анатолий Алексеевич, необходимо срочно произвести экспертизу по оружию». Я отвечаю, что сейчас срочно уезжаю в Новосибирск на совещание, когда приеду, тогда и произведу. Он мне в ответ: «Срочно надо». Я отвечаю, что не могу, да и, в конце концов, это я решаю когда проводить. А потом смотрю, из–за пристеночка выходят трое. Меня арестовали. Затем поехали ко мне на работу и там сутки производили обыск, а у меня были плёнки, «ГУЛАГ» был, Сахаровские работы. За это они и ухватились, давай раскручивать – кого я знаю? Но я никого не назвал. Я говорю, что я сам ездил на союзы, сам доставал плёнку. Но потом, через два дня, вышли на Кашеева, потом на Арцимовича, на Александра Францевича. Дело было возбуждено томским КГБ, присоединились сюда 4 управления: томское, омское, красноярское, новосибирское. Меня сразу же посадили в КПЗ. Бригада по делу была более 10 следователей. Затем к делу привлекли Кенделя и Ковалевского. Кашееву затем приписали статью за отказ в дачи показаний в суде. Позже нам была вклеена статья 190.3 – «Распространение антисоветской литературы с целью подрыва». Это была андроповская статья, действующая с 1956 года. Отдельно были нападки на Арцимовича. К моему делу было привлечено более 100 следователей. Искали мои связи по записной книжке 10–20ти летней давности в Москве, Одессе. Ничего серьёзного не нашли, но дело раздували всё больше: искали подпольную типографию, с санкции самого Лигачёва. Следствие длилось 8 месяцев, 2 недели шёл суд. Судьёй был Вайвод. Кроме ст.190.3 нам вклеили ещё занятия

запрещённым промыслом – размножение печатной продукции с целью наживы. За 10 лет они насчитали, что якобы я заработал 400 рублей. Ещё у меня в лаборатории было оружие, его изъяли и вклеили мне статью за незаконное хранение оружия. Засунули меня в уголовный изолятор, вместе с убийцами, ворами и рецидивистами. Заставили меня признаться в том, что я прятал клеветническую литературу. Но я с этим не соглашался, да это антисоветская литература, но не клеветническая. На закрытие суда вызвали специалиста из Ленинградской области, который вёл дела диссидентов, известных по союзу. Фамилии его я не помню. Я хотел, чтобы моим адвокатом был настоящий адвокат из коллегии томских адвокатов – Бессонов. Я передал из камеры записку через мою подругу, но её изъяли, а Бессонова допросили. Естественно теперь моим адвокатом он быть не мог. Мне предложили выбрать себе адвоката. Я написал список из 13 человек кого знал, но они все отказались. Тогда я попросил, чтобы мне прислали 2-х адвокатов, которые ранее не работали ни в суде, ни в КГБ. Оставили одного – женщину. Но Сучков сказал мне, что она, кажется, работала в КГБ, и я от неё отказался. Наконец из Кировской адвокатуры прислали женщину, но она ничем мне не помогла. Процесс длился 2 недели, Вайвот был председателем. Теперь он в областном суде зарабатывает пенсию. А я до сих пор как был безработным, так и не могу восстановиться, тем более, что должность мою ликвидировали. До сих пор сужусь. Реабилитация была, но не по указу Ельцина, а по указу пленума Верховного Совета. Все статьи дела полностью прекратили за отсутствием преступления. Отбывали наказание в лагерях. Меня заслали в Алтайский край, дали 3,5 года. Конфисковали квартиру и всё имущество, до сих пор ничего не вернули. Кенделю дали год. После освобождения я, якобы, попал под сокращение. Судебная система осталась та же, а должность мою убрали. Я до сих пор продолжаю писать, но мне отказывают.